

Лев Николаевич Толстой
НЕ КРАСНЫЙ КРЕСТ, А КРЕСТ ХРИСТОВЫЙ

Предисловие к книге А. И. Ершова
«Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера».

(По изданию:
Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 27. - С. 520 - 529.

Файл подготовил: *X. P. Leonet*)

520

А. И. Ершов прислал мне свою книгу: «Севастопольские воспоминания» и просил прочесть и высказать произведённое этим чтением впечатление.

Я прочёл книгу, и высказать произведённое на меня этим чтением впечатление мне очень хочется сделать, потому что впечатление это очень сильное. Я переживал с автором пережитое и мною 34 года тому назад. Пережитое это было и то, что описывает автор, — ужасы войны, но и то, чего почти не описывает автор, то душевное состояние, которое при этом испытал автор.

Мальчик, только что выпущенный из корпуса, попадает в Севастополь. Несколько месяцев тому назад мальчик этот был радостен, счастлив, как бывают счастливы девушки на другой день после свадьбы. Только вчера, кажется, это было, когда он обновил офицерский мундирчик, в который опытный портной подложил, как надо, ваты под лацканы, распустил толстое сукно и погоны, чтобы скрыть юношескую, не сложившуюся ещё детскую грудь и придать ей вид мужества; вчера только он обновил этот мундир и поехал к парикмахеру, подвил, напмадил волосы, подчеркнул фиксауаром пробивающиеся усики и,

гремя по ступенькам шашкой на золотой портупее, с фуражкой на бочку прошёл по улице. Уже не сам он оглядывается, как бы не пропустить, не отдав чести офицеру, а его издалека видят нижние чины, и он небрежно прикасается к козырьку или командует: «вольно!» Вчера только генерал, начальник, говорил с ним серьёзно, как с равным, и ему так несомненно представлялась блестящая военная карьера. Вчера, кажется, только няня удивлялась на него, и мать умилялась и плакала от радости, целуя и лаская его, и ему было и хорошо, и стыдно. Вчера только он встретился с прелестной девушкой; они говорили о пустяках, и у обоих морщились губы от сдержанной улыбки; и он знал, что она, да и не она одна, а сотни и

ещё в 1000 раз лучше её могли, да и должны были, полюбить его. Всё это, казалось, было вчера. Всё это, может быть, было и мелочно, и смешно, и тщеславно, но всё это было невинно и потому мило. И вот он в Севастополе. И вдруг он видит, что что-то не то, что что-то делается не то, совсем не то. Начальник спокойно говорит ему, чтобы он, тот самый человек, которого так любит мать, от которого не она одна, но и все так много ожидали хорошего, он со всей своей телесной и душевной, единственной, несравненной красотой, чтобы он шёл туда, где убивают и калечат людей. Начальник не отрицает того, что он — тот самый юноша, которого все любят и которого нельзя не любить, жизнь которого для него важнее всего на свете, он не отрицает этого, но спокойно говорит: «Идите, и пусть

вас убьют». Сердце сжимается от двойного страха, страха смерти и страха стыда, и делая вид, что ему совершенно всё равно, идти ли на смерть или оставаться, он собирается, притворяясь, что ему интересно то, зачем он идёт и его вещи и постель. Он идёт в то место, где убивают, идёт и надеется, что это только говорят, что там убивают, но что, в сущности, этого нет, а как-нибудь иначе это делается. Но стоит пробыть на бастионах полчаса, чтобы увидеть, что это, в сущности, ещё ужаснее, невыносимее, чем он ожидал. На его глазах человек сиял радостью, цвёл бодростью. И вот шлёпнуло что-то, и этот же человек падает в испражнения других людей, — одно ужасное страдание, раскаяние и обличение всего того, что тут делается. Это ужасно, но не надо смотреть, не надо думать. Но нельзя не думать. То был он, а сейчас буду я. Как же это? Зачем это? Как же я, я, тот самый я, который так хорош, так мил, так дорог был там не одной няне, не одной матери, не одной ей, но стольким, почти всем людям? Дорогой ещё, на станции, как они полюбили меня, и как мы смеялись, как они радовались на меня и подарили мне кiset. И вдруг здесь не то, что кiset, но никому не интересно знать, как, когда искалечат моё всё это тело, эти ноги, эти руки, убьют, как убили вон того. Буду ли я нынче одним из этой тысячи, — никому не интересно; напротив, даже желательно как будто. Да, я, именно я никому здесь не нужен. А если я не нужен, так зачем я здесь? — задаёт он себе вопрос и не находит ответа. Добро бы кто-нибудь объяснил, зачем всё это, или если хоть не объяснил, то сказал бы что-нибудь возбуждающее. Но никто никогда не говорит ничего такого. Да кажется, и нельзя этого говорить. Было бы слишком совестно, если бы кто-нибудь сказал такое. И

от того никто не говорит. Так зачем же, зачем же я здесь? — вскрикивает мальчик сам с собою, и ему хочется плакать. И нет ответа, кроме болезненного замирания сердца. Но входит фельдфебель,

и он притворяется, что [*1 неразобр.*]. Время идёт. Другие смотрят, или ему кажется, что на него смотрят, и он делает все усилия, чтобы не осрамиться. А чтобы не осрамиться, надо делать, как другие: не думать, курить, пить, шутить и скрывать. И вот проходит день, другой, третий, неделя... И мальчик привыкает скрывать страх и заглушать мысль. Ужаснее всего ему то, что он один находится в таком неведении о том, зачем он здесь в этом ужасном положении; другие, ему кажется, что-то знают, и ему хочется вызвать других на откровенность. Он думает, что легче бы было сознаться в том, что все в том же ужасном положении. Но вызвать других на откровенность в этом отношении оказывается невозможным; другие как будто боятся говорить про это, так же как и он. Говорить нельзя про это. Надо говорить об эскарпах, контр-эскарпах, о портере, о чинах, о порционных, о штоссе — это можно. И так идёт день за днём, юноша привыкает не думать, не спрашивать и не говорить о том, что он делает, и не переставая чувствует однако то, что он делает что-то совсем противное всему существу своему. Так это продолжается семь месяцев, и юношу не убило и не искалечило, и война кончилась.

Страшная нравственная пытка кончилась. Никто не узнал, как он боялся, хотел уйти и не понимал, зачем он

здесь оставался. Наконец, можно вздохнуть, опомниться и обдумать то, что было. Что ж было? Было то, что в продолжение семи месяцев я боялся и мучался, скрывая от всех своё мучение. Подвига, т. е. поступка, которым бы я мог не то что гордиться, но хоть такого, который бы приятно вспомнить, не было никакого. Все подвиги сводились к тому, что я был пушечным мясом, находился долго в таком месте, где убивало много людей и в головы, и в грудь, и в спину, и во все части тела.

Но это моё личное дело. Оно могло быть не выдающимся, но я был участником общего дела.

Общее дело? Но в чём оно? Погубили десятки тысяч людей. Ну, и что же? Севастополь, тот Севастополь, который защищали, отдан, и флот потоплен, и ключи от Иерусалимского храма остались, у кого были, и Россия уменьшилась.

Так что ж? Неужели только тот вывод, что я по глупости и молодости попал в то ужасное, безвыходное положение, в котором был семь месяцев, и по молодости своей не мог выйти из него? Неужели только это?

Юноша находится в самом выгодном положении для того, чтобы сделать этот неизбежный логический вывод: во-первых, война кончилась постыдно и ничем не может быть оправдана (нет ни освобождения Европы или болгар или т. п.); во-вторых, юноша не заплатил такую дань войне, как калечество на всю жизнь, при котором уже трудно

признать ошибкой то, что было причиной его. Юноша не получал особенных почестей, отречение от которых

связывалось бы с отречением от войны; юноша мог бы сказать правду, состоящую в том, что он случайно попал в безвыходное положение и, не зная, как выйти из него, продолжал находиться в нём до тех пор, пока оно само развязалось.

И юноше хочется сказать это, и он непременно прямо сказал бы это. Но вот сначала с удивлением юноша слышит вокруг себя толки о бывшей войне не как о чём-то постыдном, какою она ему представляется, а как о чём-то не только весьма хорошем, но необыкновенном; слышит, что защита, в которой он участвовал, было великое историческое событие, что это была неслыханная в мире защита, что те, кто были в Севастополе, следовательно, и он — герои из героев, и что то, что он не убежал оттуда, так же как и артиллерийская лошадь, которая не оборвала недоуздка и не ушла, что в этом великий подвиг, что он герой. И вот сначала с удивлением, потом с любопытством мальчик прислушивается и теряет силу сказать всю правду — не может сказать против товарищей, выдать их; но всё-таки ему хочется сказать хоть часть правды, и он составляет описание того, что он пережил, в котором юноша старается, не выдавая товарищей, высказать всё то, что он пережил. Он описывает своё положение на войне, вокруг него убивают, он убивает людей, ему страшно, гадко и жалко. На самый первый вопрос, приходящий в голову каждому: зачем он это делает? зачем он не перестанет и не уйдёт? — автор не отвечает. Он не говорит, как говорили в старину, когда ненавидели своих врагов, как евреи филистимлян, что он ненавидит союзников; напротив, он кое-где показывает своё сочувствие к ним, как к людям-братьям. Он не говорит тоже о своём страстном

желании добиться того, чтобы ключи Иерусалимского храма были бы в наших руках, или даже, чтобы флот наш был или не был. Вы чувствуете, читая, что вопросы жизни и смерти людей для него несоизмеримы с вопросами политическими. И читатель чувствует, что на вопрос: зачем автор делал то, что делал? — ответ один: затем, что меня смолоду или перед войной забрали, или я случайно, по неопытности, сам попал в такое положение, из которого я без больших лишений не мог вырваться. Я попал в это положение; и тогда, когда меня заставили делать самые противоестественные дела в мире, убивать ничем не обидевших меня братьев, я предпочел это делать, чем подвергнуться наказаниям и стыду. И несмотря на то, что в книге делаются краткие намеки на любовь к царю, к отечеству, чувствуется, что это только дань условиям, в которых находится автор.

Несмотря на то, что подразумевается то, что так как жертвовать своею целостью и жизнью хорошо, то все те страдания и смерти, которые встречаются, служат в похвалу тем, которые их переносят, чувствуется, что автор знает, что это неправда, потому что он свободно не жертвует жизнью, а при убийстве других невольно подвергает свою жизнь опасности. Чувствуется, что автор знает, что есть закон Божий: люби ближнего и потому не убий, который не может быть отменён никакими человеческими ухищрениями. И в этом достоинство книги. Жалко только, что это только чувствуется, а не сказано прямо и ясно. Описываются

страдания и смерти людей, но не говорится о том, что производит их.

35 лет тому назад и то хорошо было, но теперь уже нужно другое.

Нужно описывать то, что производит страдания и смерти войн для того, чтобы узнать, понять и уничтожить эти причины.

«Война! Как ужасна война со своими ранами, кровью и смертями!» говорят люди. «Красный крест надо устроить, чтобы облегчить раны, страдания и смерть». Но ведь ужасны в войне не раны, страдания и смерть. Людям всем, вечно страдавшим и умиравшим, пора бы привыкнуть к страданиям и смерти и не ужасаться перед ними. И без войны мрут от голода, наводнений, болезней повальных. Страшны не страдания и смерть, а то, что позволяет людям производить их. Одно словечко человека, просящего для его любознательности повесить, и другого, отвечающего: «хорошо, пожалуйста, повесьте», — одно словечко это полно смертями и страданиями людей. Такое словечко, напечатанное и прочитанное, несёт в себе смерти и страдания миллионов. Не страдания, и увечья, и смерть телесную надо уменьшать, а увечья и смерть духовную. Не Красный крест нужен, а простой крест Христов для уничтожения лжи и обмана.

Я дописывал это предисловие, когда ко мне пришёл юноша из юнкерского училища. Он сказал мне, что его мучают религиозные сомнения, он прочёл «Великого инквизитора» Достоевского, и его мучает сомнение: почему Христос проповедывал учение, столь трудно исполнимое. Он ничего не читал моего. Я осторожно говорил с ним о том, что надо читать Евангелие и в нём находить ответы на вопросы жизни. Он слушал и

соглашался. Перед концом беседы я заговорил о вине и советовал ему не пить. Он сказал: «но в военной службе бывает иногда необходимо». Я думал — для здоровья, силы, и ждал победоносно опровергнуть его доводами опыта и науки, но он сказал: «Вот, например, в Геок-Тепе, когда Скобелеву надо было перерезать население, солдаты не хотели, и он напоил их, и тогда...» Вот где все ужасы войны: в этом мальчике с свежим моло-

дым лицом и с погончиками, под которыми аккуратно просунуты концы башлыка, с вычищенными чисто сапогами и его наивными глазами и столь погубленным мирозерцанием!

Вот где ужас войны!

Какие миллионы работников Красного креста залечат те раны, которые кишат в этом слове — произведении целого воспитания!

10 М[арта] 89.

ПРИМЕЧАНИЯ

31 октября 1857 г. Толстой записывает в Дневнике: «Прочёл... Севастополь Ершова — хорошо».

Запись касалась статьи: «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» Е. Р. Ш-ова, тетради шестая и седьмая, помещённой в «Библиотеке для чтения» 1857 г., ноябрь, стр. 1—56. (Первые пять тетрадей этих воспоминаний были напечатаны в «Библиотеке для чтения» за 1856 и 1857 гг.). В следующем 1858 г. воспоминания эти вышли отдельным изданием под заглавием: «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера».

Сочинение Е. Р. Ш-ова. В семи тетрадах. Спб., с посвящением А. В. Дружинину.

Проходит тридцать лет, и 12 января 1889 г. Толстой записывает в Дневнике: «Ершов с книгой». Запись указывает на то, что в этот день у Толстого был автор «Севастопольских воспоминаний» А. И. Ершов[463] и просил его написать предисловие к новому изданию у А. С. Суворина его книги. Толстой принимается за перечитывание книги Ершова, о чём свидетельствует запись в Дневнике 13 января: «Читал Ершова», и другая того же числа: «Дома dokonчил Ершова».

На другой день, 14 января Толстой уже записывает: «Хочу писать предисловие Ершову». Более поздняя запись того же числа говорит: «Писал очень усердно. Но слабо. И не выйдет так».

Итак, первая редакция предисловия к книге Ершова была написана 14 января 1889 г. Однако Толстой остался недоволен написанным, что видно из записи Дневника 16 января: «Хотел писать предисловие, но, обдумав, решил, что надо бросить написанное и писать другое».

Но Толстой не сразу принимается за новую редакцию статьи.

30 января А. С. Суворин пишет Толстому следующее письмо: «Лев Николаевич, я обращаюсь к вам с большой просьбой такого рода. Не знаете ли вы, где г. Ершов, автор «Севастопольских воспоминаний»? Я взялся напечатать его книжку, а он говорил мне, что вы обещали дать ему предисловие к ней. Возвращаясь около двух недель тому назад из Москвы, я встретил его на железной дороге. Он тоже ехал в Петербург и говорил, что у вас предисловие почти окончено. С того времени я не видал его, он не заходил ни ко мне, ни в типографию, и не присылал своего адреса. Между тем книга окончена набором и стоит без движения, а часть её отпечатана. Будьте добры, Лев Николаевич, уведомить меня, где автор и будет ли ваше предисловие или нет?» (АТ).

Толстой отвечает Суворину 31 января 1889 г.: «Об Ершове ничего не знаю. Предисловие к его книге я написал было, но оно не годится; желаю переделать или написать вновь и поскорее прислать вам».[464]

Около того же времени Толстой получил письмо от П. И. Бирюкова, который писал: «Был у меня Ершов и очень просил, когда буду писать вам, напомнить о предисловии к его книге. По тому, что он рассказывал, мне кажется, у вас должно выйти очень хорошо. А вы долго не сидите над ним, а поскорее кончайте» (АТ). Толстой отвечает П. И. Бирюкову 5 февраля: «Предисловие Ершову надеюсь, что напишу».

10 февраля Толстой вновь принимается за статью, о чем говорит запись в Дневнике этого дня: «Сел за работу. Написал предисловие начерно».

Затем опять следует перерыв, и только 18 февраля Толстой опять записывает: «Несмотря на то, что мало спал, поправил всё предисловие. Предисловие разрастается». О работе над предисловием говорят ещё записи Дневника от 22 февраля 1889 г.: «Предисловие поправлял», и от 11 марта: «Вчера писал предисловие порядочно». Толстой не был доволен написанным, что видно из записи 14 марта 1889 г.: «Прочел вчера своё предисловие Суворину. Оно совсем не хорошо».

После этого ни в письмах, ни в Дневниках нет никаких упоминаний о работе над этой статьей.

Итак, дневниковые записи позволяют установить следующие последовательные даты работы Толстого над предисловием к «Севастопольским воспоминаниям артиллерийского офицера» А. И. Ершова: первая редакция была написана 14 января 1889 г.; вторая — 10 февраля; третья — 18 и 22 февраля; четвёртая и последняя — 10 марта.

Сохранились следующие РУКОПИСИ «Предисловия к «Севастопольским воспоминаниям» А. И. Ершова»:

1. Первая редакция. 5 лл. 4°, исписанных целиком рукою автора с обеих сторон. Между 2 и 3 лл. (после слов: «обходить это, упоминая только в общих чертах» и перед словами: «Мальчик из военно-учебного заведения».. в автографе не хватает некоторого количества листов. Первый л. рукописи хранится в АТБ (п. 67), остальные — в ГТМ (АЧ 104. 27; инв. № 1370.)

В виду того, что первая редакция была совершенно переработана автором, и следующая редакция была почти целиком написана вновь, помещаем первую редакцию полностью в вариантах. Недостающие листы восполняем по рукописи № 2.

2. Копия с первого автографа, сделанная М. Л. Толстой, с исправлениями и вставками автора. 11 лл., исписанных с обеих сторон, из которых 4 лл. — почтового размера, а остальные — 4°. Хранится, как и рукописи №№ 3 и 4, в АТ (п. 67). Перечитывая копию, Толстой произвёл совершенную переработку всего текста: из 10 страниц 8 были зачёркнуты целиком, 2—значительно переработаны, и лишь

первая страница в большей своей части была оставлена в прежнем виде. Взамен зачёркнутого Толстой написал новый текст на 4 лл. почтового размера и новый конец статьи на 5 страницах.

В самом начале статьи, проводя аналогию между тем, что описывает в своей книге Ершов, и своим собственным душевным состоянием на войне, Толстой говорит:

Я испытал это состояние уже не мальчиком — а когда мне было 24 года, и испытал его на Кавказе не при таких страшных условиях, при которых довелось испытать его Ершову, и потому мог больше сознавать его.

Место это тут же вычёркивается.

Особенно тщательно вырисовывает автор образ молодого, только что кончившего курс офицера, отправляющегося в Севастополь. Он придаёт ему черты нарочитой молодцеватости, заставляя его думать про себя:

«Где вы, девки, где вы, бабы, вот он я».

Вычеркнув это восклицание, автор через несколько строк вычёркивает и следующее большое описание:

Мальчик <20 лет>, только что вылупившийся из корпуса в только что обновлённый новенький офицерский мундирчик, мальчик, не могущий собрать ротъ отъ удовольствія при виде делающихъ ему честь солдатъ, только что восхитившій своихъ домашнихъ — мать, <кузин> сестру и ея знакомую девушку своимъ воинственнымъ видомъ и разговорами и пробивающимися усиками, мальчикъ, еще только притворяющійся большимъ, но въ сущности дитя, которому такъ естественна еще какъ ребенку ласка матери, что онъ боится ея и хочетъ

(Фраза осталась неоконченной.)

3. Копия с предыдущей рукописи, сделанная Татьяной Львовной и Софьей Андреевной Толстыми. 8 лл. 4°, исписанных с обеих сторон, и 1 л. заключения, собственноручно написанный автором. На всем протяжении рукописи, кроме первой страницы, оставшейся нетронутой, много исправлений и дополнений Толстого. Особенное

внимание автор уделяет той части статьи, в которой срывается маска с так называемого «героизма» на войне, с того, что называется «военными подвигами». Большие куски вычеркиваются, чтобы уступить место еще более сильному выражению той же мысли. Так, после изложения тех сомнений молодого офицера, которые должны были в конце концов разрушить его патриотическое самообольщение, вычеркивается:

Такъ говорила сначала совесть юноше, но онъ опять одинъ. Хотя все думаютъ то же, но все скрываютъ и все больше и больше подогреваютъ восхваленія геройству, и юноши попадаютъ на этотъ следующий обманъ и вступаютъ во второе ужасное нравственное состояніе. Выборъ, стоящій передъ юношей, такой: прямо признаться, что онъ дуракъ дуракомъ попался въ страшный обманъ и въ продолженіи семи месяцевъ делалъ скверное дело, которое онъ впередъ никогда не будетъ делать и никому не советуетъ делать.

Далее авторъ характеризуетъ то второе, ужасное, по его словам, нравственное состояніе, при которомъ возвратившійся с войны юноша, под влияніемъ всеобщаго восхваленія, признаетъ ту роль героя, которую ему приписываютъ, и старается «самъ передъ собой скрыть то, что онъ очень хорошо знаетъ и описать и себѣ и другимъ свое участіе в войнѣ не какъ постыдное пребываніе в подлой и глупой ловушкѣ, а какъ что-то неопределенно геройское». Далее вычеркивается:

И вотъ является описаніе осады. Я испыталъ и то и другое состояніе и знаю ихъ. Второе хуже перваго. Надо описать, какъ я какъ дуракъ попался и какъ слабый человекъ, подчиняясь волѣ и обману другихъ, не смотря на самыя страшныя опасности, пребывалъ въ этомъ состояніи, но описать это надо такъ, какъ будто я не былъ уловленъ обманомъ, а проводилъ это время на войнѣ въ техъ ужасныхъ занятіяхъ, въ которыхъ я проводилъ его, по своему собственному желанію, по высшимъ и всемъ понятнымъ соображеніямъ.

Давая общую характеристику такого рода сочиненій, к какому онъ относилъ «Севастопольскіе воспоминанія» Ершова, авторъ вычеркиваетъ из этой характеристики следующую фразу:

Умалчивается и обходится самый первый и существенный вопрос, который представляется человеку при чтении того, что описывается: предполагается этот вопрос решенным в известном смысле.

Вместо слов: «этот вопрос решенным в известном смысле», на полях автор делает следующую вставку, которую, однако, тут же и зачеркивает:

«...что та истина, простая, ясная истина, которая всем известна, не есть вся истина, а есть еще другая, которая часто противоположна с первой, но что это ничего не меняет и что есть очень простое решение, примиряющее обе истины, и что решение это всем известно».

Наконец, перерабатывается заключение статьи. Целиком вычеркивается прежнее заключение, в котором автор проводил аналогию между «Севастопольскими воспоминаниями» Ершова и своими «Севастопольскими рассказами», а также давал характеристику прежним военно-историческим сочинениям:

Таково мое описание Севастополя и таково же описание Ершова. Эти описания отличаются от тех наивных, уже выведшихся у нас из употребления со времен Михайловскаго-Данилевскаго[465] и Богдановича,[466] тем, что они не режут ушей фальшью, а говорят что-то похожее на правду; но они не правдивы по существу, они скрывают главное, заслоняя его побочным. Описания эти поучительны только как психологический матерьял.

Вместо этого заключения Толстой дает следующее:

Нет тут никакой фатальности, есть одно невежество дикости. Дикость поступков на войне и хитрость дикаря во время мира при суждениях о войне.

Не удовлетворяясь и этим заключением, Толстой зачеркивает и его и дает новое:

Пора нам знать, что разрешения этого нет, и фатальности нет никакой, и что в войне нет и не может быть ничего иного, кроме проявления самых низких животных свойств человека и что

Не доканчивая мысль, автор вычеркивает ее и пишет заключение заново, исписывая сначала прямыми, а затем косыми строчками все поля и свободный низ обратной страницы восьмого листа рукописи, и на отдельном листе записывает свой разговор с юнкером, рассказывавшим про Скобелева, и этим заканчивает статью.

4. Копия с предыдущей рукописи, сделанная рукою С. А. Толстой. 16 лл. 4, исписанных с одной стороны. Только листы 2 и 15 совершенно не тронуты автором; все остальные более или менее значительно исправлены и переработаны. Из вычеркнутых мест предыдущей редакции отмечаем следующие:

а) Описывая душевное состояние прибывшего в Севастополь молодого офицера, оглядывающегося на свою только что оставленную мирную жизнь, Толстой вычеркивает фразу: «жизнь была полна радостей» и заменяет ее следующим образным выражением:

Жизнь не переставая пела ему какую то радостную и торжественную песнь.

Затем вычеркивает и это и пишет взамен следующие простые слова: «все это может быть было и мелко, и смешно, и тщеславно, но все это было невинно и потому мило».

Вслед за этим вычеркивается еще следующее место:

И вотъ онъ въ Севастополе, где уже видель и раненыхъ, и воза труповъ; въ Севастополе, где вся жизнь съежилась, сжалась и свелась къ одному — къ усилямъ скрыть свой страхъ передъ страданіями и смертью.

И вотъ съ этимъ наполняющимъ душу страхомъ выказать свой страхъ онъ всякую минуту ожидаетъ того, что его пошлютъ туда, на бастіоны.

б) Из общей характеристики книги Ершова вычеркивается:

И вотъ начинается то второе ужасное нравственное состояніе, при которомъ юноша старается самъ передъ собой скрыть то, что онъ очень хорошо знаетъ, и описать и себе и другимъ свое участіе въ войне

не какъ постыдное пребываніе въ подлой и глупой ловушке, а какъ что то неопределенно геройское.

Делается то, что въ большинствѣ случаевъ делается во всехъ техъ писаніяхъ, которыя для скрытія отъ людей истины наполняютъ міръ.

Предполагается, что тотъ самый основной вопросъ, который первый представляется при обсужденіи или описаніи какого либо предмета, вопросъ о томъ, почему произошло то, что произошло, и зачемъ я делалъ то, что я делалъ, вопросъ этотъ предполагается решеннымъ и решеніе это всемъ известнымъ, и делается видъ, что то самое противоречіе, разрешеніе котораго и составляетъ весь интересъ предмета, вовсе и не существуетъ, что про это противоречіе совестно даже говорить, что это известно всемъ образованнымъ людямъ.

в) Говоря об отношеніи защитников Севастополя к войне, автор касается и общего отношенія к войне людей нашего времени:

Нельзя найти самыхъ дикихъ людей, которые бы стали воевать только вследствие своей національной ненависти. Могли еще воевать люди, когда они страстно желали для своего блага цели, достигаемой войной, но этаго не могло быть въ Ахаль-Теке,[467] ни въ Болгаріи,[468] ни даже у Немцевъ, завоевывающихъ Рейнъ,[469] темъ менее это могло быть у насъ, убивавшихъ Англичанъ и Французовъ для того, чтобы ключи отъ храма носились бы въ другомъ кармане.

Толстой вычеркивает всё это место и основную мысль его излагает в нескольких строках, откидывая отклонения об Ахал-Теке, немцах и пр. и сводя все рассужденія к автору разбираемого сочиненія.

г) На следующей странице рукописи, после упоминанія о том, что в книгѣ Ершова «делаются краткіе намеки на любовь к царю, к отечеству», Толстой вычеркивает следующее предложеніе:

Но только намеки именно потому, что если бы это высказывать прямо и ясно, то ложь этаго была бы слишкомъ очевидна.

Эта резкая формулировка заменяется смягченной фразой, вызванной отчасти, быть может, и цензурными соображеніями:

Чувствуется, что это только <отговорка> дань условіямъ, въ которыхъ находится авторъ.

д) Из дальнѣйшаго разоблаченія патриотическихъ сочиненій о войнѣ, восхваляющихъ самопожертвованіе военныхъ, авторомъ вычеркивается следующее поставленное в скобки предложеніе:

(не говорится о томъ, что нетъ свободной жертвы, а принудительная, что нетъ повода къ жертве и что нетъ жертвы, а есть взаимное убійство).

е) Наконец, из заключения статьи исключается следующий большой кусок:

И вотъ являются эти, исполненныя неясности, подразумеваній, мнимыхъ сожаленій передъ жестокостью войны и сознанія ея необходимости, патріотическихъ намековъ и умолчаній, легкихъ и шуточныхъ картинокъ, долженствующихъ составлять контрастъ съ значительностью самаго дела — описанія. Делаются даже намеки на состраданіе (это верхъ ловкости и смелости) къ убитымъ, на недоуменіе передъ жестокостью войны, но опять не договаривается и подразумевается, что разрешеніе противоречія между свойственнымъ человеку состраданіемъ и разумностью и христіанствомъ, не позволяющимъ убивать, да еще безъ причины, братьевъ, и организованнымъ убійствомъ слишкомъ просто и известно каждому. И что тутъ есть некоторая поэтическая фатальность.

И молодыя поколенія читаютъ и воспитываются въ этомъ лицемеріи, и плоды этаго лицемерія — ужасны. И до чего довело людей фарисейство, до какого извращенія понятій!

Вся эта характеристика известного рода сочиненій о войне, прежде всего относящаяся к той книге А. И. Ершова, предисловием к которой должна была служить статья, автором вычеркивается, и мысль, заключенная в этих словах, излагается в значительно смягченном виде, без упоминания о «лицемерии» и «фарисействе».

Заключение статьи оставлено то же — рассказ юнкера о том, как Скобелев под Геок-Тепе перепоил солдат, чтобы они перерезали мирное население. Автор только к словам: «Вот где ужас войны!» приписывает еще: «Какие миллионы работников Красного Креста залечат те раны, которые кишат в этом слове, произведении целого воспитания», подписывает свою фамилию и ставит дату: «10 М[арта] 89».

Этим днем, повидимому, работа над статьей закончилась.

В следующем 1890 году Толстой, повидимому, думал вновь взяться за предисловие к книге Ершова. В январе этого года Мар. Льв. Толстая писала сестре Татьяне Львовне, находившейся в то время в Москве:

«Пойди пожалуйста в дом [Хамовнический дом Толстых] и поищи везде у папа рукописи и привези все, что найдешь. Нам надо его начатое предисловие к Рассказам о Севастополе Ершова... Поищи хорошенько» (ГТМ).

Неизвестно почему: потому ли, что Толстой остался недоволен своей статьей, или потому, что она вышла нецензурна, или, быть может, статья затерялась, но написанное Толстым предисловие в печати в то время не появилось, и книга Ершова вышла без него под следующим заглавием: «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера». Сочинение А. И. Ершова (Е. Р. Ш-ова). В семи тетрадях, изд. второе А. С. Суворина. Спб. 1891. Статья Толстого появилась впервые лишь в 1902 г. в издании «Свободного слова» (Christchurch, Hants, England) в брошюре под заглавием: Л. Н. Толстой, «Против войны», где статья занимает страницы 1—8. В России впервые в — «Сочинениях графа Л. Н. Толстого», изд. двенадцатое, ч. семнадцатая, М. 1911.

Мы печатаем статью по подлинным рукописям автора, исправляя некоторые неточности и восстанавливая пропуски, имевшиеся в той копии, с которой производилось издание «Свободного слова». Исправляем также неверную дату, под которой была напечатана статья. Толстой подписал статью сокращенной датой: «10 М. 89», причем под буквой «М» следует, как это ясно из дневниковой записи, разумеется март 1889 г.; переписчик же, очевидно, расшифровал «М» как «май», и статья появилась в издании «Свободного слова» с неверной датой 10 мая 1889 г.

Стр. 524, строки 26—28. «Одно словечко... пожалуйста, повесьте». Имеется в виду факт, рассказанный в «Русской старине» 1888, ноябрь, в записках известного художника Василия Васильевича Верещагина (1848—1904), озаглавленных: «Воспоминания художника Вас. Вас. Верещагина. Набег на Адрианополь в 1877 году». Здесь Толстой на страницах 466—468 прочитал: «Привели к Струкову[470] двух албанцев, отчаянных разбойников, по уверению болгар, вырезывавших младенцев из утроб матерей. Генерал приказал связать их покрепче, и драгуны, поставивши ребят спинами вместе, стянули локтями так, что они совсем побагровели и двинуться потом не могли... Я просил Струкова повесить их, но он не согласился, сказал,

что не любит расстреливать и вешать в военное время и не возьмет этих двух молодцов на свою совесть, а передаст их Скобелеву, пускай тот делает, что хочет.

— «Хорошо, — отвечал я, — попрошу Михаила Дмитриевича: от него задержки, вероятно, не будет.

— «Что это вы, Василий Васильевич, сделались таким кровожадным? — заметил Струков. — Я не знал этого за вами.

«Тогда я признался, что еще не видел повешения и очень интересуюсь этою процедурою.

«Скобелев приехал к вечеру... Я попросил Скобелева повесить помянутых двух разбойников; он ответил: «Это можно» и, призвавши командира стрелкового батальона, полковника К., приказал нарядить полевой суд над обоими схваченными албанцами и прибавил:

— «Да пожалуйста, чтобы их повесить.

— «Слушаю, ваше превосходительство, — был ответ.

«И я считал, что дело мое в шляпе, то есть что до выхода нашего из Адрианополя я еще увижу эту экзекуцию и после передам ее на полотне. Не тут-то было: незадолго перед уходом, найдя обоих приятелей всё в том же незавидном положении и осведомившись: «Разве их не будут казнить?» — я получил в ответ: «Нет». Узнавши о назначении полевого суда, С-в просил Михаила Дмитриевича, для него, не убивать этих двух кавалеров, и очень вероятно, что они и по сию пору здравствуют и похваляют милосердие русского начальства».

Стр. 524, строки 36—37. «Великий инквизитор» — V глава пятой книги первой части романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Стр. 524, строка 46. Геок-Тепе — название трех селений в Ахал-Текинском уезде Закаспийской области; под этим именем известно также укрепление, построенное текинцами для обороны этих селений против русских. Укрепление было взято русскими войсками под начальством генерала Скобелева 12 января 1881 г.

Стр. 524, строка 46. Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882) — генерал-адъютант, участник Хивинской экспедиции 1873 г., Кокандской 1875—1876 гг., Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., где получил большую известность, благодаря ряду удачных дел, Текинской экспедиции 1881 г. Толстой чувствовал сильнейшую антипатию к личности и деятельности «белого генерала», как звали Скобелева, и отказался с ним познакомиться, когда это предлагал ему Д. Д. Оболенский (Кн. Д. Д. Оболенский, «Отрывки» —

«Международный толстовский альманах», составленный П. Сергеевко, изд. «Книга». М. 1909, стр. 244).

СНОСКИ

463. Андрей Иванович Ершов (1834—1907) — участник Севастопольской обороны. В 1858 г. вышел в отставку и поселился в Петербурге. Одно время заведывал метахромотипией; уезжал за границу, где участвовал в походах Гарибальди на Рим; позднее жил литературным трудом и частными уроками.

464. «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Подготовил к печати проф. Д. И. Абрамович, изд. Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Л. 1927, стр. 180.

465. Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790—1848) — генерал-лейтенант, военный писатель, автор книг: «Описание Отечественной войны 1812 года» (1839), «Описание войны 1813 года» (1840), «Описание Турецкой войны 1806—1812 годов» (1843), «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном 1805 года» (1843) и др. Толстой пользовался сочинениями Михайловского-Данилевского как материалом для «Войны и мира».

466. Модест Иванович Богданович (1805—1882) — генерал-лейтенант, военный писатель, автор сочинений: «История отечественной войны 1812 года» (1859—1860), «История войны 1813 года» (1862—1863 гг.), «История царствования императора Александра I и Россия в его время» (1869—1871), «Восточная война 1853—1856 годов» (1876) и др. Толстой пользовался сочинениями Богдановича при создании «Войны и мира».

467. Ахал-Теке — оазис к северу от гор Копет-Даг, населенный текинцами. Был занят русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1881 г.

468. Разумелась Русско-турецкая война 1877—1878 гг., официальной целью которой выставлялось освобождение болгар из-под власти турок.

469. Рейн служит границей, отделяющей Эльзас-Лотарингию от Бадена. Эльзас-Лотарингия была присоединена к Германии после Франко-прусской войны 1870—1871 гг.

470. Александр Петрович Струков (1840—1911) — в 1877 г. генерал-майор свиты, впоследствии генерал-адъютант и генерал от кавалерии.